

Андрей Юрьевич ЧУКУРОВ/ Andrey CHUKUROV

| Культура и девиация: кино-рефлексия (к постановке вопроса) / Culture and Deviation|

Андрей Юрьевич ЧУКУРОВ/ Andrey CHUKUROV

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия.**Факультет философии человека. Кафедра теории и истории культуры.
Доцент, кандидат культурологии
achukurov@yandex.ru**Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia.
Department of Theory and History of Culture.
Associate Professor, PhD in Culturology.
achukurov@yandex.ru*

КУЛЬТУРА И ДЕВИАЦИЯ: КИНО-РЕФЛЕКСИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

CULTURE AND DEVIATION

В статье анализируется проблема взаимодействия девиации и социокультурной системы, рассматриваются различные подходы к определению понятия «девиация» и роль девиантного поведения в обществе. Особое место в статье отведено анализу феномена нейроразнообразия и трансформации отношения к проблеме аутизма. Все виды художественного творчества сегодня отдают дань аутизму вообще или конкретно синдрому Аспергера, что свидетельствует о глубинных изменениях в мировой культуре.

Ключевые слова: нейроразнообразие, аутизм, Аспергер, искусство, девиантность.

We analyze the problem of interaction between deviation and social system and consider various approaches to the definition of the «deviation» and the role of deviant behavior in society. We focus on the active presence of autism and, specifically, Asperger's syndrome, in art and speak about neurodiversity at the present stage. We are witnessing an active development of the neurodiversity idea in the modern society. All kinds of art pays tribute to autism in general or specifically Asperger's syndrome, indicating the underlying changes in the world culture.

Key words: neurodiversity, autism, Asperger, art, deviance.

Что мы традиционно понимаем под девиацией? Как правило, речь идет о поведении, отклоняющимся от общепринятых норм. Если проанализировать все, существующие на сегодняшний день подходы, то станет очевидно – «отклоняющееся поведение» понятие широкое. Оно включает и неприемлемые ценностные ориентации, и поведенческие реакции, и морально-нравственные установки. Вот, например, одно из типовых определений: «Иначе говоря, у девиантного поведения — девиантная мотивация. Примерами

подобного поведения служат отсутствие приветствия при встрече, хулиганство, инновационные или революционные действия и т. п. Девиантными субъектами являются молодые аскеты, гедонисты, революционеры, психически больные, святые, гении и т. п. Действия человека включены в социальные взаимосвязи и системы (семья, улица, коллектив, работа и т. и.) с общей нормативной регуляцией. Поэтому девиантным является поведение, нарушающее стабильность процессов социального взаимодействия. Равновесие (стабильность) социального взаимодействия предполагает интеграцию

Андрей Юрьевич ЧУКУРОВ/ Andrey CHUKUROV

| Культура и девиация: кино-рефлексия (к постановке вопроса) / Culture and Deviation|

действий многих, которая нарушается девиантным поведением одного или нескольких людей»¹. Определение более размытое дать просто невозможно. Здесь вам и психически больные, и гении, да и вообще все, кто нарушает «равновесие».

При определении девиации многие исследователи указывают еще на одну проблему. Культура повседневности по большей части не регламентирована и не определяется писанными или неписанными нормами, а значит «правила игры» индивиду не ясны, как не ясны и ожидания в той или иной ситуации, а потому понимание «девиантного» оказывается порой крайне субъективным.

Проблемой определения девиации и ее взаимодействиями с социокультурной системой занимались разные исследователи. Поскольку в данном случае мы не ставили перед собой задачу дать всеобъемлющий историографический анализ, то упомянем лишь пару имен «отцов-основателей». В частности, Дж.Т.Селлин указывал на то, что девиантное поведение возникает тогда, когда в конфликт вступают те или иные нормы культуры, т.е. на своеобразном культурном разломе и как результат этого разлома. Интересно, что его рассуждения вводят девиацию в поле контркультуры, что требует само по себе более детального анализа. Его коллега, В.Миллер, развивая эти идеи, говорил о субкультуре низших слоев общества, вступающей в конфликт с истеблишментом, и конфликт этот по большей части имеет экономические причины. Подобный узкий подход вполне объясним – оба исследователя в ходе своего анализа изучали криминальные структуры². Примечательно, что вслед за

«отцами-основателями» практически все исследователи анализировали девиации в том же ключе, и к девиантной модели поведения относили активность членов банд, молодежных субкультур, преступников-одиночек и пр., что кажется сегодня несколько навивным.

Между тем еще Говард Беккер в далеком 1963 году в книге «Аутсайдеры» писал, что девиация – это фактически инструмент воздействия власти на неугодных и неудобных для системы индивидов. Власть навязывает гражданам определенные правила и нормы поведения (от себя можем добавить – которые с течением времени становятся традицией). Нарушение же этих правил и именуется девиацией, а это в свою очередь приводит к применению (на первый взгляд, вполне правомерному) санкций в отношении нарушителя.

При таком подходе, а он на сегодняшний день для многих сообществ оказывается едва ли не единственным, борьба с девиантным поведением оказывается борьбой с любыми формами отклоняющегося от условной нормы (искусственно созданной и удобной для власти) поведения и, в конечном счете, с инакомыслием.

Между тем «отклоняющееся поведение» – это, с одной стороны, сигнал системе, указание на ее несовершенство и недостаточность, а с другой – стимулирование социокультурной динамики. Девиация указывает, прежде всего, на неудовлетворенность граждан системой. Она подталкивает к изменениям через обновление всех подсистем.

Интересно, что «Клиницисты оценивают девиантное поведение и поведение, обусловленное психическим расстройством, отталкиваясь от моделей, усвоенных ими в процессе обучения (например, психоаналитической или бихевиористской модели) и профессионального опыта, приобретенного в рамках конкретных исследований и контекста наблюдения. Идентификация, описание, категоризация и разработка плана лечения представляет собой сложный социально-культурный про-

¹ Девиантное поведение. [Электрон. ресурс] / Режим доступа:

<http://www.grandars.ru/college/sociologiya/deviantnoe-povedenie.html> (15.09.2014), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус

² См. более подробно: Смелзер Нейл. Глава 7. Девиация и социальный контроль. [Электрон. ресурс] / Социология: пер. с англ. - М.: Феникс, 1998. - 688 с. Сканирование и обработка: Анастасия Иванкова. // Скеписис. Научно-просветительский журнал. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_580.html (4.02.2015), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Андрей Юрьевич ЧУКУРОВ/ Andrey CHUKUROV

| Культура и девиация: кино-рефлексия (к постановке вопроса) / Culture and Deviation|

цесс»³. В таком случае не приходится удивляться, что на сегодняшний день бытование концепта «девиация» кажется чрезмерно широким. В некое мифические «девиантное поле» попадают поведенческие модели и культурные явления, которые порой попросту не вписываются в традиционалистские или фундаменталистские лекала. Последние же оказываются жизнеспособными лишь в силу удобства их использования существующей властной структурой.

Между тем мы обязаны констатировать формирование как «новой телесности», в том числе и с точки зрения теории трансгендера, так и иного отношения к ментальности. Нельзя останавливаться лишь на утверждении гендерной толерантности со свободой поло-ролевой самоидентификации (сегодня лишь определенная степень ангажированности может заставить игнорировать очевидное) – ясно, что в устройстве и функционировании головного мозга также не может быть единого стандарта и образца.

В европейском и североамериканском культурном поле в последние десять лет активно развивается весьма примечательное с точки зрения «расшатывания» «границ девиантного» социокультурное движение – движение за нейроразнообразие. Так, например, имеет смысл указать на тот факт, что многие представители сообщества аутистов не желают, чтобы их лечили. Это полностью укладывается в идею об отсутствии единого стандарта функционирования головного мозга. В частности следует обратить внимание на такой вариант аутизма, как синдром Аспергера. Напомним, что синдром Аспергера – это, согласно утвердившейся терминологии, «расстройство аутистического спектра». Здесь следует отметить, что существует несколько видов аутизма. «Вне зависимости от конкретного диагноза расстройства аутистического спектра характеризуются трудностями с социальным взаимодействием, социальной коммуникацией и

³ Юнко Танака-Мацуми. Патопсихология и культура. // Психология и культура. Под ред. Дэвида Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – С. 428.

гибкостью мышления. Это называется триадой нарушений (Лорна Винг, 1996)»⁴. Примечателен тот факт, что гены, ответственные в частности за синдром Аспергера, появились, согласно данным исследований, относительно недавно. Ученые полагают, что эти гены являются продуктом эволюции вида *Homo sapiens*. Иными словам, возможно, это более высокая ступень эволюции! И такое предположение вполне имеет право на существование, ведь хорошо известно, что носители данного синдрома проявляют крайнюю степень внимания к отдельным отраслям знания и научным сферам. А это полностью укладывается в общую тенденцию узкой специализации. Ничего удивительного, что люди с данным синдромом не желают быть подвергнуты какой бы то ни было коррекции. Хотелось бы отметить, что лица с синдромом Аспергера, а требования политкорректности не позволяют нам использовать словосочетание «страдающие синдромом Аспергера» поскольку в данном случае мы не говорим о «страдании» в общепринятом смысле слова, называют всех прочих, не относящихся к их сообществу и представляющих психофизиологическую норму (условную, разумеется) – «нейротипичные». Нам уже доводилось указывать на тот факт, что в самом термине уже содержится определенная ироническая коннотация, которая звучит довольно ясно, особенно для носителей русского языка, где термин «типичное» чаще используется для обозначения чего-либо «усредненного» и потому «менее достойного». Но вдвойне забавно, что это английское слово – *neurotypical* – в то же самое время используют как неприкрыто насмешливое для обозначения лиц со средним уровнем IQ⁵.

Обратимся к художественной культуре, ведь речь идет именно о мощном социокультурном

⁴ Синдром Аспергера. [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <http://www.aspergers.ru/node/130> (28.09.2014), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

⁵ Чукуров А.Ю. Синдром Аспергера и художественный текст. [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <http://weissview.blogspot.ru/2014/09/1.html> (15.04.2015), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Андрей Юрьевич ЧУКУРОВ/ Andrey CHUKUROV

| Культура и девиация: кино-рефлексия (к постановке вопроса) / Culture and Deviation|

движении, а значит сфера творчества не могла не отреагировать на данное явление. За последние двадцать пять лет в сфере художественного творчества произошла на первый взгляд незаметная революция: в «перечне» возможных сюжетных ходов прочно закрепился аутизм. Перечень примеров, где «расстройства» аутистического спектра, в частности, синдром Аспергера, заняли центральное место на удивление велик и продолжает расти. Даже неискушенный в художественной жизни человек сразу вспомнит прекрасный фильм Барри Левинсона «Человек дождя». Здесь массовый зритель, пожалуй, впервые понял, что это состояние, пограничное с гениальностью.

Множество подобных ярких примеров дает нам литературный мир. Это и «Загадочное ночное убийство собаки» Марка Хэддона, недавно переведенное на русский язык, и «Дэниэл молчит» Марти Леймбаха – психологический тяжелый роман, где семья не смиряется с аутизмом ребенка, но пытается бороться с поставленным диагнозом. Джоди Пиколт представила роман «Последнее правило», схожий с текстом Леймбаха. Сформировалась и группа документальных текстов, в которых рассматриваются судьбы людей с аутизмом. Один из самых ярких примеров – это автобиографическое произведение Ирис Юханссон «Особое детство».

Наиболее ярко и доступно весь аутистический спектр представлен в кинематографе и на телевидении. Причем кинотексты, эксплуатирующие данную тему, создаются для разной зрительской аудитории. Анализ кино- и телепродукции позволил дать некоторую приблизительную типологию текстов с присутствием той ли иной формы аутизма (чаще всего, именно синдрома Аспергера):

1. Фильмы-послания («Форрест Гамп», «Меня зовут Кхан», «Человек дождя»).
2. Фильмы-манифесты («Тэмпл Грандин», «Антара», «Бен Икс»).
3. «Поп-аутизм» («Доктор Хаус», «Теория Большого взрыва», «Контакт» и пр.).

Остановимся на каждом типе отдельно. Опять же упомянем, что нижеприведенные харак-

теристики не претендуют на полноту, поскольку работа продолжается. И начнем с фильмов-посланий. Один из самых ярких примеров данного типа – фильм «Форрест Гамп» Роберта Земекиса. Он стал символом американского патриотизма и получил шесть «Оскаров». Достаточно вспомнить церемонию вручения главного приза Американской киноакадемии 1995 года, когда голливудский бомонд аплодировал стоя. Патриотизм в США – это своего рода «священная корова», и «Форрест Гамп» становится тем самым посланием как миру, так и себе самим, основная цель которого донести идею величия нации. Это своеобразный «образ для себя» и «образ для других». Весьма примечательно в данном контексте, что главный герой картины именно аутист. Таким образом, можно констатировать наличие тенденции, направленной на переоценку и переосмысление роли аутизма в мировой культуре. Но почему «образ патриотизма» воплощается в герое-аутисте? Этот вопрос требует дополнительного анализа, поскольку ответ вряд ли может ограничиваться «демократизацией» социальной жизни или официальным признанием самого факта нейроразнообразия. Тем более, что в фильме четко прописана борьба жизненных позиций и не менее четко выражено послание: идея жизни во имя страны побеждает идею личной свободы, выраженную в фильме подругой детства главного героя.

А вот фильм «Меня зовут Кхан» Карана Джохара соединил сразу два магистральных культурных тренда эпохи – выход на авансцену художественной жизни синдрома Аспергера и тему террористических актов 11 сентября 2001 года. Ризван Кхан – главный герой – соединил в себе все то, что сегодня превращает обычного рядового гражданина в Символ Эпохи. Во-первых, он мусульманин. Во-вторых, эмигрант из Индии, проживающий в США. В-третьих, у него синдром Аспергера. Остается лишь удивляться, почему режиссер для полноты картины не сделал героя бисексуалом, что позволило бы еще и раскрыть по ходу дела проблему гендерной толерантности. Впрочем, ос-

Андрей Юрьевич ЧУКУРОВ/ Andrey CHUKUROV

| Культура и девиация: кино-рефлексия (к постановке вопроса) / Culture and Deviation|

тавим иронию. Перед зрителем разворачивается история личной трагедии Ризвана на фоне серьезных политических потрясений. Он создает семью, организует бизнес, т.е. делает все, чтобы оказаться достойным представителем среднего класса США. Мы уже кратко анализировали содержание фильма, теперь же лишь напомним, что 11 сентября 2001 года меняет жизнь Ризвана. Вскоре трагически гибнет ребенок – в школе у него начались серьезные осложнения и конфликты, а в результате мальчик получает смертельное ранение. Как следствие – отношения Кхана с женой резко ухудшаются. Но самое главное, на них – мусульман – теперь смотрят косо, с осуждением. И вот Ризван отправляется к президенту Бараку Обаме, чтобы изменить отношение к мусульманам и сказать: «Мое имя Кхан, и я не террорист». Иными словами, в высшей степени важное социальное послание, призванное вернуть казалось бы утраченную терпимость и толерантность, вложено в уста человека с синдромом Аспергера. Вся съемочная группа и актерский состав также индийцы, хотя в судьбе фильма сыграла свою роль компания Fox Searchlight Pictures, а премьера так и вообще состоялась в Нидерландах⁶. Иными словами, перед нами явление именно *мировой* художественной культуры, причем «мировой» в прямом смысле этого слова.

Таким образом, мы видим, что фильмы данного типа несут зрительской аудитории определенное сообщение. Как правило, они проникнуты гуманистическим пафосом (порой весьма сомнительным) и претендуют на самый широкий зрительский охват, активно используя мелодраматические ходы. К сожалению, для подобных текстов характерна некоторая искусственность и очевидная ангажированность, огрубляющая сюжетные ходы и превращающая характеры в ходячие идеи.

Несколько иная ситуация со второй категорией – фильмами-манифестами. Гуманистический

пафос здесь не подвергается сомнению, ангажированность не так очевидна или вовсе отсутствует, но самое главное – данные тексты создаются не ради идеи как таковой, а с целью привлечь внимание общественности к возможностям аутистов, рассказать об их внутреннем мире. Остановимся лишь на двух примерах, как и в предыдущем случае. Во-первых, это пронзительный и глубокий фильм Ника Бальтазара, снятый им по собственному роману «Ничего – это все, что он говорил». Эта бельгийско-нидерландская работа вышла в 2007 году под названием «Бен Икс» (Ben X). Уникальность проекта заключается в том, что он основан на реальной трагической истории самоубийства мальчика-аутиста, затравленного окружающими. Этот тонкий и эстетически выдержанный фильм взывает к толерантности и эмпатии и погружает нас во внутренний мир героя.

Не менее яркий пример – телевизионный биографический фильм «Тэмпл Грандин» Мика Джексона. Он выходит в 2010 году, а назван по имени главной героини – профессора животноводства Университета Колорадо, крупнейшего ученого, спроектировавшего новые скотобойни в США, автора множества книг и ярчайшего представителя субкультуры аутистов, причем с активной социальной позицией: она защищает права животных и пропагандирует идею нейроразнообразия.

В отличие от первой категории фильмов, аутизм используется не для донесения какой-либо иной идеи, к аутизму не имеющей прямого отношения, а ради самого аутизма. Именно он в центре повествования, он взывает к толерантности и эмпатии. Фильмы-манифесты провозглашают бесконечное число возможностей развития головного мозга.

Третий тип – «поп-аутизм». Весьма парадоксальное явление, призванное не то популяризировать сам синдром, не то обеспечить максимальный охват зрительской аудитории. Аутизм используется здесь как некий «сюжетный генератор» – он провоцирует те ли иные, чаще комедийные, ситуации. Прежде всего, речь идет о сериалах. Это, без-

⁶ Чукуров А.Ю. Синдром Аспергера и художественный текст. [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <http://weissview.blogspot.ru/2014/09/1.html> (15.04.2015), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Андрей Юрьевич ЧУКУРОВ/ Andrey CHUKUROV

| Культура и девиация: кино-рефлексия (к постановке вопроса) / Culture and Deviation|

условно, продукт массовой культуры, но тем они и показательнее, потому что быстро берут на вооружение те образы и темы, которые оказываются на гребне популярности. Теперь уже и российскому зрителю хорошо известны такие проекты, как «Доктор Хаус» и «Теория Большого взрыва». Здесь главными героями являются яркие и весьма запоминающиеся представители субкультуры аутистов. Наибольшей популярностью здесь также пользуется синдром Аспергера. Специфика сериала заключается, прежде всего, в необходимости создания множества серий-сюжетов, связанных в сезоны. Однако, если выдерживать с клинической точностью воспроизведение синдрома, то никакой динамики попросту не будет – сама клиническая картина ее не предполагает. Что мы видим в подобного рода продукции? Рано или поздно, герои вполне успешно решают вопросы социализации и коммуникации. Обычно уже к концу первого (!) сезона сценаристы и режиссеры забывают, например, о монотонности речи – герои-аутисты вдруг начинают «интонировать»; совершенно неожиданно исчезают обязательные повторяющиеся действия; даже стандартная для них крайняя степень организованности начинает давать сбой. Создатели таких проектов словно обозначили изначально некие правила игры, повесив на одного из героев табличку «аутист», и посчитали, что этого будет вполне достаточно. Клиническая картина не выдерживается, а аутизм становится одной из возможных форм завязки или перипетии, облегчая жизнь уставшего от надоевших шаблонов сценариста. Где-то, как в сериале «Воздействие» он оказывается на периферии нашего внимания. Здесь одна из героинь – воровка

Паркер – имеет синдром Аспергера, что для сюжета оказывается в итоге важно, хотя вначале кажется, что без этого можно было обойтись. В иных случаях один из вариантов аутизма принципиально необходим для завязки и развития сюжета, как в сериале «Связь» («Контакт»), где без мальчика-аутиста картина была бы не полной. Очевидно, что подобные проекты не призваны нести какие бы ни было идеи или взывать к эмпатии – их основная задача развлекать. Тем не менее, свою позитивную роль они выполняют – популяризация аутизма сама по себе приучает массового зрителя к толерантности.

Таким образом, мы видим, что меняются как модели поведения, так и восприятие этих моделей, идея телесной и ментальной вариативности стремительно укореняется в обществе. Цивилизация меняется, как неизбежно меняются представления о норме и девиации. На наших глазах рождаются целые движения и феномены, которые еще совсем недавно массовое сознание классифицировало бы как девиантные. Между тем властные структуры и традиционалистский истеблишмент не успевают за происходящими изменениями. Однако, вспомним, что Э.Дюркгейм считал девиацию естественным феноменом, в котором содержится в том числе и положительное начало: девиация дает представление о разнообразии форм и способствует социальным трансформациям. Совершенно очевидно, что сегодня вместо того, чтобы цепляться за отжившие нормы, правила и традиции, общество должно быть нацелено на выработку новых методик и техник межличностного взаимодействия, обучения и социализации.

